

ЖАН-БАТИСТ МОЛЬЕР

СКУПОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГАРПАГОН

отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

КЛЕАНТ

сын Гарпагона, возлюбленный Марианы

ЭЛИЗА

дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

АНСЕЛЬМ

отец Валера и Марианы.

ВАЛЕР

сын Ансельма.

МАРИАНА

дочь Ансельма.

ФРОЗИНА

посредница в сердечных делах.

СИМОН *маклер.*

ЖАК *повар и кучер Гарпагона.*

ЛАФЛЕШ *слуга Клеанта.*

КОМИССАР.

КЛОД *служанка Гарпагона.*

БРЕНДАВУАН *слуга Гарпагона.*

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СУПЕР

МОНЕТКА

Элиза, Валер.

ВАЛЕР. Элиза, милая, что ж это? Ты только что уверяла, что любишь меня, а теперь задумалась? Я в восторге, а ты вздыхаешь? Чего бояться, Элиза?

ЭЛИЗА. Ах, многого можно бояться, Валер: рассердится отец, станет упрекать семья, пойдут сплетни... Но больше всего боюсь я, Валер, что изменится твое сердце.

ВАЛЕР. Не обижай меня. Подозревай меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему долгу.

ЭЛИЗА. Ах, Валер, не ты один это говоришь!

ВАЛЕР. Ну, так и суди меня по моим делам. Дай мне время привести тебе бесчисленное множество доказательств моей любви.

ЭЛИЗА. Когда любишь, так охотно веришь! Да, Валер, я верю, что ты меня действительно любишь, я ни в чем не хочу сомневаться, но что обо мне скажут? Вот чего я страшусь.

ВАЛЕР. Да что же могут сказать?

ЭЛИЗА. Я бы ничего не боялась, если бы все знали тебя так, как знаю я. Я никогда не забуду этого ужасного случая, благодаря которому мы с тобой познакомились. Я всегда буду помнить, с каким удивительным самоотвержением бросился ты за мной в воду и спас от ярости бурных волн. Все это произвело на меня неизгладимое впечатление. Но, быть может, для людей это не оправдание, я не уверена, что меня поймут.

ВАЛЕР. Единственная моя заслуга перед тобой — это моя любовь. Твой отец — вот твое оправдание, если уж оно тебе так необходимо. При его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно.

ЭЛИЗА. Валер!

ВАЛЕР. Ну, прости меня. Как только мне удастся найти отца и мать, нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий, и, если мои родители запоздают, я сам за ними отправлюсь.

ЭЛИЗА. Нет, Валер, не оставляй меня, прошу тебя! Старайся понравиться отцу — только это сейчас и нужно.

ВАЛЕР. Я и то стараюсь. Вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, какую комедию я ломаю перед ним ежедневно, чтобы заслужить его любовь. И я уже делаю большие успехи: подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся их поступками и делай с ними что хочешь. Это самый лучший путь.

ЭЛИЗА. Хорошо бы тебе и с братом подружиться, а то на служанку полагаться опасно — вдруг она вздумает выдать нас?

ВАЛЕР. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они так друг на друга не похожи, что к ним сразу не подделаешься. Лучше уж ты воздействуй на брата... Да вот и он.

ЭЛИЗА. Не знаю, хватит ли у меня храбрости.

Валер уходит.

Элиза, Клеант.

КЛЕАНТ. Как хорошо, что ты одна, Элиза! Полушай: я должен открыть тебе одну тайну.

ЭЛИЗА. Я слушаю тебя внимательно. Что скажешь?

КЛЕАНТ. Много скажу, но в двух словах... Я влюблен.

ЭЛИЗА. Влюблен?

КЛЕАНТ. Да, влюблен. Я знаю, что во всем завишу от отца и не смею выходить из его воли. Без согласия родителей мы не вправе давать какие бы то ни было обещания, им виднее, что нам будет лучше, а что — нет. Увлечения молодости толкают нас в пропасть... Я все перечислил? Я прошу тебя не читать мне нотаций.

ЭЛИЗА. Ты посватался, Клеант?

КЛЕАНТ. Нет еще, но это решено. Я еще раз прошу тебя: не отговаривай меня.

ЭЛИЗА. Ты считаешь меня способной на это?

КЛЕАНТ. Нет, Элиза, но ты не влюблена: я боюсь твоей рассудительности.

ЭЛИЗА. Ах, давай не будем говорить о моей рассудительности, Клеант! Открой я тебе свое сердце, ты, быть может, увидел бы, что я гораздо менее рассудительна, чем ты.

КЛЕАНТ. И твое сердце тоже...

ЭЛИЗА. Нет, нет. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

КЛЕАНТ. Ее зовут Марианой. Она недавно поселилась неподалеку от нас, живет она с больной матерью и ухаживает за ней как любящая дочь. Ах, если б ты увидела ее, Элиза! Но вся проблема в том, что они богаты, еле-еле сводят концы с концами. Из-за скупости отца я ни чем не могу помочь любимой девушки, я ничем не могу доказать свою любовь!

ЭЛИЗА. Да, я понимаю, Клеант, как тебе должно быть горько.

КЛЕАНТ. На что нам все это богатство в будущем? Если мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, если я весь в долгах, оттого что мне жить не на что, если мы с тобой вынуждены брать в долг у ростовщиков? Я решил, помоги мне выведать, у отца как он отнесется к моему решению, если он заупрямится, я уеду с Марианой, как-нибудь проживем. Я займу где-нибудь денег. Если и ты в таком же положении, как и я, если отец будет нам мешать, уедем оба, бросим его, освободимся, наконец, от невыносимой его скупости.

ЭЛИЗА. Да, с каждым днем нам все тяжелее становится жить без матушки и...

КЛЕАНТ. Отец. Уйдем отсюда.

Элиза и Клеант уходят.

МОНЕТКА

Гарпагон, Лафлеш.

ГАРПАГОН. Вон сию же минуту, без всяких разговоров! Убирайся, мошенник! Прочь с глаз моих, висельник!

ЛАФЛЕШ (*про себя*). Вот старый хрыч! Сроду не видел такого злыдня! Бес в него что ли вселился, прости, господи...

ГАРПАГОН. Что ты там бормочешь?

ЛАФЛЕШ. За что вы меня гоните?

ГАРПАГОН. И ты еще спрашиваешь, негодяй? Вон, пока я тебя не исколотил!

ЛАФЛЕШ. Что я вам сделал?

ГАРПАГОН. Я хочу, чтоб ты убрался, — вот что!

ЛАФЛЕШ. А ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его здесь.

ГАРПАГОН. Дождись на улице, а не у меня в доме. Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай! Предатель! Так и следит, так и шарит своими проклятыми глазами, что я делаю, где что плохо лежит, нельзя ли что-нибудь стянуть,— мне это надоело.

ЛАФЛЕШ. Черта с два! У вас стянешь, когда вы все под замком держите да еще день и ночь сторожите!

ГАРПАГОН. Держу под замком — значит, нахожу нужным; сторожу — значит, мне так нравится. Сыщик тоже выискался, до всего ему дело! *(Про себя.)* А что, если он проведал о моих деньгах? *(Громко.)* Уж не вздумал ли ты рассказать где-нибудь, что я деньги прячу?

ЛАФЛЕШ. А вы все таки прячете?

ГАРПАГОН. Я этого не говорил, бездельник! *(Про себя.)* Как он меня бесит! *(Громко.)* Я спрашиваю: не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

ЛАФЛЕШ. Э, что мне за дело — есть у вас деньги, нет ли! Нам от этого ни тепло, ни холодно.

ГАРПАГОН. Ты еще рассуждаешь? Я тебя отучу рассуждать... Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

ЛАФЛЕШ. А вы все - таки прячете? Хорошо, я уйду.

ГАРПАГОН. Постой! Ты ничего не стащил?

ЛАФЛЕШ. Что у вас тащить-то?

ГАРПАГОН. Не верю. Покажи руки!

ЛАФЛЕШ. Вот вам руки.

ГАРПАГОН. Другие!

ЛАФЛЕШ. Другие?!

ГАРПАГОН. Другие.

ЛАФЛЕШ. Вот вам другие!

ГАРПАГОН. А туда ничего не спрятал?

ЛАФЛЕШ. Посмотрите!

ГАРПАГОН. Эти широкие штаны как раз для того и придуманы, чтоб прятать краденое. Вешать бы тех надо, кто такие штаны носит!

ЛАФЛЕШ *(про себя.)* Будь прокляты все скупцы со всей их скупостью!

ГАРПАГОН. Как? Что ты говоришь?

ЛАФЛЕШ. Что я говорю?

ГАРПАГОН. Ну да! Что ты говоришь о скупцах и о скупости?

ЛАФЛЕШ. Я говорю: будь они прокляты.

ГАРПАГОН. Кто?

ЛАФЛЕШ. Скупцы.

ГАРПАГОН. А кто они, эти скупцы?

ЛАФЛЕШ. Жадюги, сквалыги...

ГАРПАГОН. Кто ж они такие?

ЛАФЛЕШ. Да вы-то из-за чего беспокоитесь?

ГАРПАГОН. Это уж мое дело.

ЛАФЛЕШ. Вы, может, думаете, что я говорю про вас?

ГАРПАГОН. Я думаю то, что думаю, пошел вон!

ЛАФЛЕШ. Не можете же вы запретить мне бранить скупцов!

ГАРПАГОН. Не могу, но зато я могу заткнуть тебе рот, чтоб не слышать твоих дерзостей.

ЛАФЛЕШ. Я Вашего имени не назвал.

ГАРПАГОН. Я тебя отдую, если ты еще хоть слово скажешь.

ЛАФЛЕШ. Знает кошка, чье мясо съела!

ГАРПАГОН. Ты замолчишь?

ЛАФЛЕШ. Замолчу — поневоле.

ГАРПАГОН. А-а!

ЛАФЛЕШ (*показывает Гарпагону карман своих брюк*). Смотрите, вот еще карман. Теперь вы довольны?

ГАРПАГОН. Пошел ко всем чертям!

ЛАФЛЕШ. Вот так расчет!

ГАРПАГОН. Грех на твоей душе, ежели что...

МОНЕТКА

Лафлеш уходит.

Гарпагон один.

ГАРПАГОН. Этот бездельник вывел меня из себя, видеть не могу хромого пса! Да, немалая забота — хранить у себя много денег. Счастлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы. Куда их спрячешь? Сейфам я решительно не доверяю; это приманка для воров — они первым делом на них и кидаются.

Гарпагон, Клеант, Элиза.

ГАРПАГОН (*думая, что он один*). Не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду полтора миллиона евро, которые мне вчера вернули. Полтора миллиона евро — это я вам скажу...

Входят Клеант и Элиза и тихо говорят между собой.

ГАРПАГОН (*Заметив Клеанта и Элизу.*) Что такое?

КЛЕАНТ. Привет, папа.

ГАРПАГОН. Вы давно здесь?

ЭЛИЗА. Только что вошли.

ГАРПАГОН. Вы слышали?

КЛЕАНТ. Что, папа?

ГАРПАГОН. Да вот...

КЛЕАНТ. Что?

ГАРПАГОН. Что я сказал...

КЛЕАНТ. Нет.

ГАРПАГОН. Врешь! Врешь!

ЭЛИЗА. Простите, но...

ГАРПАГОН. Вы кое-что слышали, дело ясное. Это я сам с собой рассуждал, как трудно теперь наживать деньги, говорил, что, мол, счастлив тот, у кого есть полтора миллиона евро. Я очень рад, что разъяснил вам, а то вы, чего доброго, не так поняли бы меня — вообразили бы, что это я про себя говорю, будто у меня полтора миллиона евро.

КЛЕАНТ. Мы в ваши дела не вмешиваемся.

Гарпагон. Ах, если б у меня было полтора миллиона евро! Уж как бы они мнегодились! Они мне очень нужны. Это бы сильно поправило мои дела. Я бы тогда не плакался на худые времена.

КЛЕАНТ. Папа! Вам ли плакаться? Всем известно, что вы человек богатый.

ГАРПАГОН. Кто? Я богатый? Врут! Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи.

ЭЛИЗА. Не сердитесь, папочка.

ГАРПАГОН. Не диво ли, что родные дети предают меня и становятся моими врагами?

КЛЕАНТ. Разве сказать, что вы богаты, значит быть вашим врагом?

ГАРПАГОН. Да. Такие разговоры и твое мотовство приведут к тому, что меня скоро зарежут — в надежде, что у Гарпогона денег куры не клюют.

КЛЕАНТ. Какое ж такое мотовство?

ГАРПАГОН. Какое? Да что может быть неприличнее того роскошного костюма, в котором ты шатаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру, но это еще хуже. Как тебя еще земля носит? Ты только посмотри на себя — на тебе все с иголки. Двадцать раз говорил я тебе, Клеант: не нравится мне твое поведение. Строишь из себя звезду. Чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе.

КЛЕАНТ. То есть как — обкрадывать?

ГАРПАГОН. А я почему знаю! Ну, где ты берешь деньги, чтобы жить так, как ты живешь?

КЛЕАНТ. Где? Я играю в карты, мне обыкновенно везет, весь выигрыш я на себя и трачу.

ГАРПАГОН. Это очень дурно. Если тебе везет в игре, ты должен этим пользоваться и отдавать деньги в рост, чтобы сберечь их на черный день. Не говоря о чем другом, хотелось бы мне знать, на кой черт тебе такая одежда!??? Я готов об заклад биться, что все это стоит, по крайней мере, шестьсот евро, а шестьсот евро приносят в год сорок восемь евро — и это только из восьми процентов!

КЛЕАНТ. Вы правы, папа. Вы абсолютно правы.

ГАРПАГОН. Оставим это, однако, и поговорим о другом. *(Заметив, что Клеант и Элиза обмениваются знаками.)* Мне кажется, что они хотят меня обокрасть. Что вы там? А?

ЭЛИЗА. Мы спорим, кому первому говорить: мы оба хотим вам кое-что сказать.

ГАРПАГОН. И я вам тоже хочу кое-что сказать.

КЛЕАНТ. Мы насчет брака, папа.

ГАРПАГОН. И я тоже насчет брака. Что такое? Что тебя так испугало: слово или самый брак?

КЛЕАНТ. Брак может испугать нас обоих оттого, что мы не знаем, как вы на него смотрите. Мы боимся, что наши чувства, пожалуй, будут не согласны с вашим выбором.

ГАРПАГОН. Имейте терпение. Беспokoиться вам решительно не о чем. Я знаю, что для вас обоих нужно, вам не придется сетовать на то, как я намерен поступить. Итак... *(Клеанту.)* Скажи: ты видел молодую особу по имени Мариана, что живет недалеко отсюда?

КЛЕАНТ. Видел, папа.

ГАРПАГОН (*Элизе*). А ты?

ЭЛИЗА. Я о ней слышала.

ГАРПАГОН. Как ты находишь, Клеант, эту девушку?

КЛЕАНТ. Прелестная девушка!

ГАРПАГОН. Какова она?

КЛЕАНТ. Сама скромность, а уж, какая умница!..

ГАРПАГОН. А наружность? Обращение?

КЛЕАНТ. У нее все хорошо!

ГАРПАГОН. Не правда ли, о такой девушке стоит подумать?

КЛЕАНТ. О да, папа!

ГАРПАГОН. Не правда ли, лучшей жены и желать не надо?

КЛЕАНТ. Конечно, не надо.

ГАРПАГОН. Не правда ли, из нее выйдет отличная хозяйка?

КЛЕАНТ. Еще бы!

ГАРПАГОН. И муж будет вполне ею доволен?

КЛЕАНТ. Вполне.

ГАРПАГОН. Есть, однако, маленькая помеха: боюсь я, что она вся тут, со всем ее приданым.

КЛЕАНТ. Ах, папа, что значит приданое, когда женишься на такой девушке!

ГАРПАГОН. Напрасно ты так говоришь, напрасно! Лучше мы скажем так: нет приданого? Что делать! При умении можно его возместить.

КЛЕАНТ. Само собой разумеется.

ГАРПАГОН. Ну, я очень рад, что мы сошлись. Ее красота очаровали меня, и я решил, ну, лишь бы нашлось у нее хоть какое-нибудь приданое... Я решил жениться на ней!

КЛЕАНТ. Ах!

ГАРПАГОН. Ты что?

КЛЕАНТ. Вы решили?..

ГАРПАГОН. Жениться на Мариане.

КЛЕАНТ. Кто? Вы? Вы?

ГАРПАГОН. Ну да, я! я! я! Что с тобой?

КЛЕАНТ. Мне плохо, я должен уйти.

ГАРПАГОН. Это ничего. Ступай на кухню и выпей стакан холодной воды.

Клеант уходит.

Гарпагон, Элиза.

ГАРПАГОН. Вот она, нынешняя молодежь! Мокрые куры! Итак, Элиза, насчет себя я решил твердо. Твоего брата я женю на вдове, о которой мне говорили утром, а тебя я выдаю за господина Ансельма.

ЭЛИЗА. За господина Ансельма?

ГАРПАГОН. Да. Это человек степенный, благоразумный, толковый, ему не больше пятидесяти лет, о богатстве же его всем известно.

ЭЛИЗА. Смею вас уверить, папочка, что я совсем не хочу идти замуж.

ГАРПАГОН. Смею вас уверить, милая дочка, что вы замуж выйдете.

ЭЛИЗА. Не взыщите, папочка.

ГАРПАГОН. Не взыщите, дочка.

ЭЛИЗА. Я очень уважаю господина Ансельма, но, как вам будет угодно, я за него не выйду.

ГАРПАГОН. Я ваш покорный слуга, но, как вам будет угодно, а вы за него выйдете сегодня вечером.

ЭЛИЗА. Сегодня вечером?

ГАРПАГОН. Сегодня вечером.

ЭЛИЗА. Этого не будет, папа.

ГАРПАГОН. Будет, дочка.

ЭЛИЗА. Нет!

ГАРПАГОН. Да!

ЭЛИЗА. Говорят вам — нет!

ГАРПАГОН. Говорят вам — да!

ЭЛИЗА. Вы меня не заставите!

ГАРПАГОН. Нет, заставлю!

ЭЛИЗА. Я скорей руки на себя наложу, чем выйду за него.

ГАРПАГОН. Руки ты на себя не наложишь, а за него выйдешь. Нет, какова дерзость! Слыхано ли, чтобы дочь так разговаривала с отцом?

ЭЛИЗА. А видано ли, чтобы отец так выдавал дочь замуж?

ГАРПАГОН. Против такой партии ничего не скажешь: всякий одобрит мой выбор, хоть сейчас об заклад.

ЭЛИЗА. Хоть сейчас об заклад, что ни один умный человек вашего выбора не одобрит.

Те же и Валер.

ГАРПАГОН (*заметив Валера*). Вот Валер. Хочешь, отдадимся на его суд?

ЭЛИЗА. Я согласна.

ГАРПАГОН. И ты подчинишься его решению?

ЭЛИЗА. Да, как он скажет — так и будет.

ГАРПАГОН. Чего лучше! Поди сюда, Валер! Мы тебя выбрали судьей, чтобы ты решил, кто из нас прав — она или я.

ВАЛЕР. Конечно, вы.

ГАРПАГОН. Да ты, знаешь ли, о чем у нас речь?

ВАЛЕР. Нет, но вы не можете быть не правы: вы — олицетворенный разум.

ГАРПАГОН. Я хочу нынче же вечером выдать ее за человека и богатого и степенного, а она, бездельница, смеется мне в глаза и говорит, что не хочет. Что ты на это скажешь?

ВАЛЕР. Что я на это скажу?

ГАРПАГОН. Да.

ВАЛЕР. Гм! Гм!

ГАРПАГОН. Что?

ВАЛЕР. Я скажу, что, в сущности, я на вашей стороне, вы не можете ошибаться, но и у нее, вероятно, есть какие-нибудь основания, так что...

ГАРПАГОН. Господин Ансельм — это ли не партия? Человек благородный, благонравный, положительный, разумный и с большими средствами. От первого брака детей у него нет. Это ли не сокровище?

ВАЛЕР. Так-то оно так, но она может сказать вам: к чему такая спешка? Нужно хоть немного времени, чтобы проверить свои чувства...

ГАРПАГОН. Случай надо хватать за вихор. Упустишь — другого не дождешься: Ансельм-то ведь берет ее без приданого.

ВАЛЕР. Без приданого?

ГАРПАГОН. Да.

ВАЛЕР. А! Ну, тогда другое дело. Это, видите ли, такой убедительный довод... тут уж нечего...

ГАРПАГОН. Что я сберегаю-то при этом!

ВАЛЕР. Понятно! Какие уж тут возражения? Правда, ваша дочь может сказать, что брак — великое дело. Выйти замуж — значит, быть ей счастливой или несчастной на всю жизнь...

ГАРПАГОН. Без приданого!

ВАЛЕР. Вы правы. Это решает все, конечно дело. Кто-нибудь, пожалуй, станет убеждать вас, что в подобных случаях нельзя не считаться с сердцем девушки...

ГАРПАГОН. Без приданого!

ВАЛЕР. Да, тут уж ничего не скажешь, дело ясное, тут сам черт рта не разинет. Хотя опять-таки есть...

ГАРПАГОН. Без приданого!

ВАЛЕР. Да, правда, молчу! Без приданого! Этим все сказано!

ГАРПАГОН. Ой! Кажется, собака лает. Не добиваются ли до моих денег? *(Валеру.)* Не уходи. Я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Элиза, Валер.

ЭЛИЗА. Что за шутки, Валер?

ВАЛЕР. Это для того, чтобы не раздражать его и добиться, чего нам надо. Противоречить ему — значит, все испортить. Делай вид, что во всем соглашаешься с ним, и будет по нашему, а иначе...

ЭЛИЗА. Но этот брак, Валер!..

ВАЛЕР. Подумаем, как бы его расстроить.

ЭЛИЗА. Думать уже поздно — много ли времени до вечера?

ВАЛЕР. Попросите отсрочки, притворитесь больной.

ЭЛИЗА. А врач меня выдаст!

ВАЛЕР. Да что они понимают, врачи-то? Притворяйся смело, какую хочешь болезнь выдумывай — они всему поверят и всему дадут объяснение.

Те же и Гарпагон.

ГАРПАГОН *(в глубине сцены, про себя).* Все, слава богу.

ВАЛЕР *(не видя Гарпагона).* Наконец, у нас есть спасение в бегстве. И если твоя любовь, Элиза, способна устоять... *(Заметив Гарпагона.)* Да, дочь должна повиноваться отцу. Разбирать женихов — не ее дело, а если еще без приданого, так уж тут и рассуждать нечего: бери что дают.

ГАРПАГОН. Так! Отлично сказано!

ВАЛЕР. Простите, сударь, я погорячился и позволил себе взять неподобающий тон.

ГАРПАГОН. Что ты! Да я в восторге, даю тебе над ней полную власть! *(Элизе.)* Теперь уж ты не отвертись. Ту власть над тобой, которой меня облекло небо, отныне я передаю ему и требую, чтобы ты из его воли не выходила.

ВАЛЕР *(Элизе).* Попробуйте теперь меня послушаться!

Элиза уходит.

Валер, Гарпагон.

ВАЛЕР. Я пойду за ней, сударь, и буду продолжать наставлять ее.

ГАРПАГОН. Ты меня очень этим обяжешь...

ВАЛЕР. Ее надо держать в ежовых рукавицах.

ГАРПАГОН. Это верно. Тем более что...

ВАЛЕР. Не беспокойтесь. Я уверен в успехе.

ГАРПАГОН. С богом, с богом! А мне необходимо отлучиться ненадолго.

ВАЛЕР (*направляется к выходу и, дойдя до двери, как бы обращается к Элизе*). Да, деньги важнее всего на свете. Вы должны бога благодарить за то, что у вас такой отец. Он знает жизнь. Когда предлагают взять девушку без приданого, вперед заглядывать нечего.

ГАРПАГОН. Валер.

ВАЛЕР. Без приданого — это все, это заменяет красоту, молодость, знатное происхождение, честь, благоразумие, скромность.

ГАРПАГОН. Славный малый! Что ни слово, то перл. Хорошо, что у меня такой слуга!

МОНЕТКА

Клеант, Лафлеш.

КЛЕАНТ. Где ты ходишь? Ведь я приказал тебе ждать меня здесь...

ЛАФЛЕШ. Сударь, я хотел вас дождаться, во что бы то ни стало, но ваш батюшка — неучтивый он человек, доложу я вам, — прямо-таки выгнал меня и едва не прибил.

КЛЕАНТ. Как наше дело? Обстоятельства нас торопят: оказывается, отец — мой соперник.

ЛАФЛЕШ. Ваш батюшка влюбился в Мариану?

КЛЕАНТ. Да. И чего мне стоило скрыть от него мое волнение, когда я узнал об этом!

ЛАФЛЕШ. Издевается он над добрыми людьми, что ли? Таким ли, как он, влюбляться!

КЛЕАНТ. За грехи мои, должно быть, пришло это ему в голову.

ЛАФЛЕШ. Что же вы не открылись ему? Сказали бы, люблю и кончено!

КЛЕАНТ. Нельзя, нельзя, надо отвести все подозрения и при случае расстроить этот брак... Ну, какой ответ?

ЛАФЛЕШ. Жалко мне Вас сударь, занимать деньги — чистая беда: попадешь в лапы к ростовщикам — всего натерпишься.

КЛЕАНТ. Полный отказ, стало быть?

ЛАФЛЕШ. Нет, почему? Наш Симон — маклер, каких мало,— говорит, что он для вас все вверх дном перевернул. Уверяет, что вы одним своим видом пленили его.

КЛЕАНТ. Так я получу пятнадцать тысяч евро?

ЛАФЛЕШ. Да, но только в том случае, если вы согласитесь на некоторые условия.

КЛЕАНТ. Ты уже виделся с тем кто дает деньги?

ЛАФЛЕШ. Что вы! Да разве так дела делаются? Он ни за что не откроет своего имени. Здесь такая таинственность, что вы и представить себе не можете. А сегодня вас сведут с ним в чужом доме, и вы скажете ему про ваше состояние и семейное положение. Ну, конечно, как только он узнает, кто ваш отец,— дело устроится.

КЛЕАНТ. Тем более что мое состояние осталось от матушки, отнять его нельзя.

ЛАФЛЕШ. А вот его условия — он сам продиктовал их Симону, чтобы тот предъявил вам их, прежде чем вести дальнейшие переговоры: Если заимодавец убедится в платежеспособности заемщика, то есть оный заемщик достиг совершеннолетия и обеспечен родительским состоянием изрядным, прочным, надежным, закладами не обремененным, долговая расписка будет надлежащим образом засвидетельствована у благонадежного нотариуса, выбор коего предоставляется заимодавцу.

КЛЕАНТ. Против этого ничего нельзя сказать.

ЛАФЛЕШ. Заимодавец, дабы не испытывать ни малейших угрызений совести, желает ссудить требуемую сумму лишь из пяти процентов...».

КЛЕАНТ. Из пяти процентов? Это по-божески. Грех жаловаться.

ЛАФЛЕШ. Но так как вышеупомянутый заимодавец не располагает требуемой суммой и для удовлетворения заемщика вынужден занять таковую у третьего лица из двадцати процентов, то эти последние 20%

должны быть уплачены тем же заемщиком ввиду того, что вышеупомянутый заимодавец совершает заем единственно из одолжения.

КЛЕАНТ. Ах, черт возьми! Ведь это уж выходит из двадцати пяти!

ЛАФЛЕШ. Совершенно верно, я так и говорил. Подумайте.

КЛЕАНТ. Да что тут думать! Мне деньги нужны до зарезу, поневоле согласишься.

ЛАФЛЕШ. Я так и сказал.

КЛЕАНТ. Еще что-нибудь есть?

ЛАФЛЕШ. Еще одно маленькое условие: Из требуемой суммы в пятнадцать тысяч франков заимодавец может выдать наличными деньгами лишь двенадцать тысяч; остальные три тысячи заемщик обязуется принять вещами, поименованными в прилагаемой описи.

КЛЕАНТ. Что это значит?

ЛАФЛЕШ. Во-первых, кровать на четырех ножках длиной 1,5 метра. Покрывало оливкового цвета,— стеганое одеяло и полдюжины стульев. Все в полной исправности, одеяло и покрывало подбиты легкой тафтой красного и голубого цвета. Далее, полог из добротной омальской саржи цвета засохшей розы, с позументами и шелковой бахромой...».

КЛЕАНТ. Да ведь это барахло. Он что смеется надо мной?

ЛАФЛЕШ. Постойте. «Далее, тканые обои с узорами, изображающими приключения двух любовников — Гомбо и Масеи. Далее, большой раздвигающийся стол орехового дерева на двенадцати точеных ножках; к нему шесть табуретов...».

КЛЕАНТ. На кой мне это черт!

ЛАФЛЕШ. Имейте терпение. «Далее, три мушкета крупного калибра, выложенные перламутром. Далее, кирпичная перегонная печь с двумя колбами и тремя ретортами — вещь необходимая для любителей перегонки...».

КЛЕАНТ. Сил моих нет!

ЛАФЛЕШ. Спокойно. «Далее, бильярд, шашечница, а также «гусек», игра древних греков, ныне снова вошедшая в моду,— во все эти игры приятно поиграть от нечего делать. Далее, чучело ящерицы, длиной в 3,5 фута — эту диковину можно привесить к потолку для украшения комнаты. Все вышепоименованные предметы, стоящие никак не менее 4,5 тысяч евро, заимодавец из любезности готов уступить их за 3 тысячи евро».

КЛЕАНТ. Да пошел он со своей любезностью, вот гад! Мало ему чудовищных процентов — он еще хочет навязать мне хламу всякого вместо трех тысяч евро! Да я и шестьсот евро за него не выручу!..

ЛАФЛЕШ. Это еще если повезет!..

КЛЕАНТ. И все-таки приходится согласиться: Вот гад, приставил нож к горлу идохнуть не дает.

ЛАФЛЕШ. Не прогневайтесь, сударь, но залезать в долги, дорого покупать, дешево продавать, съесть хлеб на корню — это прямой путь к разорению!

КЛЕАНТ. А что прикажешь делать? Вот до чего доводят нас отцы своей проклятой скупостью! Можно ли потом удивляться, что мы желаем их смерти?

ЛАФЛЕШ. По правде говоря, скупость вашего батюшки хоть кого выведет из терпения. Я к мошенническим проделкам не очень склонен, однако, глядя на вашего батюшку, меня, сознаюсь, так и подмывает обокрасть его, и я даже думаю, что это было бы доброе дело.

КЛЕАНТ. Пойдем еще раз посмотрим опись... ..

МОНЕТКА

Те же, Гарпагон и Симон. Клеант и Лафлеш в глубине сцены.

СИМОН. Да, сударь, этот молодой человек нуждается в деньгах. Обстоятельства его таковы, что он заранее согласен на все ваши условия.

ГАРПАГОН. А ты уверен, Симон, что это дело безопасное? Известно ли тебе имя, имущество и семейное положение того, о ком ты говоришь?

СИМОН. Нет. Мне известно о нем очень мало — меня случайно указали ему. Но вам-то он, конечно, все расскажет, его человек уверял меня, что вы останетесь им довольны. Знаю только, что он из богатой семьи, что его мать умерла и что он ждет смерти отца не позже как через восемь месяцев...

ГАРПАГОН. Все это похоже на дело.

СИМОН. В чем готов даже выдать вам расписку.

ГАРПАГОН. Любовь к ближнему, Симон, обязывает нас по мере возможности оказывать помощь.

ЛАФЛЕШ (*увидев Симона, Клеанту*). Что это? Наш Симон говорит с вашим батюшкой.

СИМОН (*Клеанту и Лафлешу*). Э, любезные, да вы поторопились! Кто вам сказал, что это здесь? (*Гарпагону.*) Сударь, они явились сюда не по моей вине — я им не говорил, как вас зовут и где вы живете. Но я думаю, что большой беды в этом нет: я уверен в их скромности. Вам остается только объясниться с ними.

ГАРПАГОН. Что ты говоришь, Симон?!

СИМОН (*указывая на Клеанта*). Вот этот молодой человек, который желает занять у вас пятнадцать тысяч евро.

ГАРПАГОН. Бездельник! Так это ты дошел до такого безобразия?

КЛЕАНТ. Папа! Так это вы папа занимаетесь такими постыдными делами?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеант, Гарпагон.

ГАРПАГОН. Так это ты намерен разорить себя постыдными займами?

КЛЕАНТ. Так это вы наживаетесь на таких гнусных сделках?

ГАРПАГОН. И после этого ты осмеливаешься показываться мне на глаза?

КЛЕАНТ. И после это вы осмеливаетесь смотреть в глаза людям?

ГАРПАГОН. Дойти до такого беспутства, влезть в неоплатные долги, бессовестно размотать состояние, в поте лица скопленное родителями,— да где у тебя стыд?

КЛЕАНТ. Опозорить себя подобного рода сделками, пожертвовать добрым именем ради своей жадности, которую вы тешите день за днем, сгребая копейку за копейкой. Пускаетесь в такие гнусные сделки и вы не краснеете, папа?

ГАРПАГОН. С глаз долой, негодяй! С глаз долой!

КЛЕАНТ. Как, по-вашему, кто хуже: тот ли, кто нуждается в деньгах и достает их за деньги, или тот, кто их грабит и не знает, что с ними делать?

ГАРПАГОН. Убирайся, говорят тебе! Не выводите меня из терпения!

Симон убегает, Лафлеш прячется.

Клеант уходит.

ГАРПОГОН. Нет, худа без добра, теперь уж я буду глядеть за ним в оба!

МОНЕТКА

Фрозина, Гарпагон.

ГАРПАГОН. А, Фрозина, Как наши дела?

ФРОЗИНА. Ах, как вы прекрасно выглядите! Сразу видно, что вы вполне здоровы!

ГАРПАГОН. Кто? Я?

ФРОЗИНА. Я еще никогда не видала вас таким свежим и бодрым.

ГАРПАГОН. Однако, Фрозина, мне уже далеко не двадцать пять...

ФРОЗИНА. Ну и что же? Шестьдесят лет! Подумаешь, как много! Самый что ни на есть цветущий возраст, лучшая пора для мужчины.

ГАРПАГОН. Пожалуй. А все-таки лет двадцать с плеч долой, было бы не худо.

ФРОЗИНА. Полно! Никакой вам в этом надобности нет: вы и так сто лет проживете.

ГАРПАГОН. Ты думаешь?

ФРОЗИНА. Непременно. По всем приметам. Покажитесь-ка!.. Ну, так и есть: между бровей складка — это к долголетию.

ГАРПАГОН. Ты в этом что-нибудь смыслишь?

ФРОЗИНА. Еще бы не смыслить! Дайте руку... Господи боже мой, и конца-то не найдешь!

ГАРПАГОН. Чему?

ФРОЗИНА. Видите, до какого места эта линия доходит?

ГАРПАГОН. А что это означает?

ФРОЗИНА. Хотите — верьте, хотите — нет, я сказала — сто, так еще двадцать накиньте!

ГАРПАГОН. Врешь!

ФРОЗИНА. На вас и смерти нет, прямо вам скажу. Вы еще и своих детей и внуков и правнуков похороните.

ГАРПАГОН. Вот это хорошо! Как наши дела?

ФРОЗИНА. Когда-нибудь я не исполняла, за что бралась? Нет такой свадьбы на свете, какой бы я живо не состряпала. И мать, и дочь хорошо меня знают, и я наговорила им о вас с три короба. Матери успела шепнуть, что вы не раз видели Мариану на улице и у окна и какие у вас на ее счет намерения.

ГАРПАГОН. Что ж она?

ФРОЗИНА. Обрадовалась. А когда я ей сказала, что вы хотите сегодня же вечером брачный контракт подписать, она сейчас же согласилась и дочку мне поручила.

ГАРПАГОН. Видишь ли, Фрозина, мне пришлось позвать сегодня на ужин господина Ансельма, так вот хорошо бы заодно и Мариану угостить...

ФРОЗИНА. Это правда. После обеда она хотела нанести визит вашей дочери, потом хотела побывать на ярмарке, а оттуда и на ужин.

ГАРПАГОН. Так они вместе поедут — я могу ссудить им свою карету.

ФРОЗИНА. Вот и прекрасно!

ГАРПАГОН. А насчет приданого, Фрозина, был у вас разговор с матерью? Ты ей сказала, что для такого случая она должна хоть что-нибудь придумать, хоть как-нибудь изловчиться, извернуться? Нельзя же, в самом деле, чтобы девушка так-таки ровно ни с чем замуж выходила!

ФРОЗИНА. Как — ни с чем? Да она вам принесет двенадцать тысяч евро годового дохода.

ГАРПАГОН. Двенадцать тысяч евро годового дохода?

ФРОЗИНА. Ну да. Во-первых, выращена и воспитана она в большой воздержанности: салат, молоко, сыр, яблоки — вот и вся ее пища, а разных там закусок да пирожных, для нее хоть бы и не было; стоит же все это немало — уж три тысячи франков в год кладите. Кроме того, она любит ходить опрятно, но без всякой роскоши, не надо ей ни платьев нарядных, ни уборов драгоценных, ни мебели великолепной, а ведь эта статья принесет вам более четырех тысяч ливров в год. Наконец, никаких азартных игр она не выносит. Я знаю одну из здешних: в этом году двадцать тысяч проиграла. Но мы меньше положим, вчетверо меньше. Выходит, двенадцать тысяч евро ровнехонько!

ГАРПАГОН. Да, это, конечно, недурно, но существенного-то я здесь ничего не вижу. Ты говоришь, что она на то-то и то-то не будет тратиться — и вот, мол, ее приданое. Да это насмешка, а не приданое.

Не могу я выдать расписку в том, чего не получал; ты мне в руки дай, чтоб я чувствовал!

ФРОЗИНА. Господи, да вы почувствуете! Они мне еще говорили, что у них имение где-то есть — вам же достанется.

ГАРПАГОН. Это надо проверить. И еще одно меня, Фрозина, беспокоит: Мариана молода, а молодежь льнет к молодежи. Боюсь я, не стар ли я для нее и не завела бы она у меня в доме новых порядков, от которых мне, пожалуй, плохо придется.

ФРОЗИНА. Ах, как мало вы ее знаете! Она и тут на других не похожа. Вот что я вам скажу: молодых людей она терпеть не может, а стариков обожает.

ГАРПАГОН. Кто? Она?

ФРОЗИНА. Да-да. Послушали бы вы ее! На молокососов, говорит, и смотреть, говорит, мне противно. Чем старше, тем для нее лучше, так что вы своих лет перед ней не скрывайте. Четыре месяца назад совсем было уж замуж вышла, да жених сказал, что ему пятьдесят шесть, и контракт без очков стал подписывать — ну и расстроилось дело.

ГАРПАГОН. Только из-за этого?

ФРОЗИНА. Только из-за этого. Мне, говорит, пятидесяти шести мало, да и что, говорит, за нос, когда на нем очков нет!

ГАРПАГОН. Поди, ж ты! Сколько на свете живу — в первый раз такое слышу. Я очень рад, что у нее такой вкус. В самом деле, будь я женщина, я бы тоже не любил молокососов.

ФРОЗИНА. А за что их и любить-то, дрянь такую?

ГАРПАГОН. Я, решительно этого не понимаю и удивляюсь, за что их женщины так любят.

ФРОЗИНА. Дуры, одно слово. Разве здравомыслящая девушка польстится на молодость?

ГАРПАГОН. Я каждый день твержу то же самое. Петушинные голоса, кошачьи усики, штаны чуть держатся, живот наружу...

ФРОЗИНА. Да, уж хороши, особенно как с вами сравнишь! Вот это мужчина, есть на что посмотреть! Вот как надо одеваться, чтобы нравиться!

ГАРПАГОН. Так, по-твоему, я ничего?

ФРОЗИНА. Просто прелесть! На картину проситесь! Повернитесь, пожалуйста... Лучше не надо! Пройдитесь... Телосложение изящное, осанка молодецкая, движения свободные, и никаких болезней не заметно.

ГАРПАГОН. Да я никаких особенных болезней, слава богу, и не знаю. По временам только одышка одолевает.

ФРОЗИНА. Это пустяки. Одышка вас не портит: когда вы кашляете, так оно даже как-то мило выходит.

ГАРПАГОН. Скажи ты мне вот что: Мариана никогда не видала меня? Хоть мельком?

ФРОЗИНА. Никогда. Но мы много говорили с ней о вас. Я уж вас как следует расписала и на все лады расхвалила: такого, мол, мужа днем с огнем поискать.

ГАРПАГОН. Умница! Спасибо тебе.

ФРОЗИНА. У меня к вам, сударь, небольшая просьба. Я веду тяжбу и могу проиграть ее — деньжонок не хватает.

Гарпагон хмурится.

А я бы легко ее выиграла, если б только вы были так добры... Вы не поверите, как она рада будет вас видеть!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Ах, как вы ей понравитесь! Ваши старомодный костюм произведет на нее неотразимое впечатление, она с ума сойдет от восторга. Да она будет на седьмом небе!

ГАРПАГОН. Отрадно слышать.

ФРОЗИНА. Так вот, сударь, эта тяжба очень для меня важна.

Гарпагон хмурится.

Если проиграю — вконец разорюсь, а не бог весть, сколько мне и нужно-то... Если б вы видели, с каким восторгом она меня слушала, когда я говорила о вас!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Глазки так и сверкали, а уж я-то старалась!.. И довела ее, наконец, до того, что сейчас, говорит, хочу за него замуж, сию минуту!

ГАРПАГОН. Разодолжила ты меня, Фрозина! Так разодолжила, что не знаю, чем и отблагодарить тебя.

ФРОЗИНА. Так вот вы, сударь, мне и помогите.

Гарпагон хмурится.

Тогда я поправлюсь, и век буду за вас бога молить,

ГАРПАГОН. Прощай! Мне нужно дописать письма.

ФРОЗИНА. Клянусь вам, сударь, что вы меня выручили бы из большой беды.

ГАРПАГОН. Я велю заложить карету, чтобы везти вас на ярмарку.

ФРОЗИНА. Если б не крайность, я бы не докучала вам.

ГАРПАГОН. А ужин закажу пораньше — на ночь есть вредно

ФРОЗИНА. Не откажите, будьте благодетелем!.. Ах, сударь! Если б вы знали, какая радость...

ГАРПАГОН. Мне надо идти. Меня зовут. До скорого свидания!
(Уходит.)

ФРОЗИНА (одна). А, чтоб тебя, старый пес! Ничем не проймешь его, скареда. Ну да я этого дела не оставлю. Не с этого, так с другого конца, а уж я свое возьму!

МОНЕТКА

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Клод, Жак, Брендавуап, Ламерлуш.

ГАРПАГОН. Ну, все сюда! Я вам отдам приказания на сегодня и распределяю обязанности. Подойди, Клод! Начнем с тебя.

В руках у Клод половая щетка.

Ты уже во всеоружии, это хорошо. Твое дело — позаботиться, чтобы везде было чисто, но как можно осторожнее обращайся с мебелью, не три се очень — испортишь. Кроме того, во время ужина ты должна смотреть за бутылками: пропадет ли какая, разобьется ли — ты жалованьем своим отвечаешь.

ЖАК (про себя). Хитро придумано.

ГАРПАГОН (к Клод). Ступай.

Клод уходит.

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак, Брендавуан, Ламерлуш.

ГАРПАГОН. Брендавуан и Лафлеш! Вы будете полоскать рюмки и подавать вино, но только в случае надобности; не берите примера с тех болванов слуг, которые сами навязываются, когда иной, может быть, и думать забыл о вине. Ждите, пока попросит раз-другой, да чтоб воды побольше на столе было.

ЖАК (*про себя*). Ну, еще бы! С чистого-то вина сразу охмелеешь.

БРАНДЕВУАН. Спецовку снимать?

ГАРПАГОН. Да, когда начнут съезжаться гости, но смотрите, не запачкайте платья.

БРЕНДАВУАН. А у меня на рубашке уже пятно.

ЛАФЛЕШ. А у меня, сударь, сзади такая дыра, так что, извините за выражение, видна...

ГАРПАГОН. Довольно! Поворачивайся к гостям больше передом, а задом к стене. А ты, когда будешь прислуживать, держи шляпу вот так. (*Брендавуану, показывая, как нужно держать шляпу, чтобы прикрыть пятно.*)

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты, Элиза, наблюдай за тем, как будут убирать со стола — чтобы все цело было. Это как раз занятие для девушки. А пока что приготовься достойно принять мою невесту и поезжай с ней на ярмарку. Слышишь, что я говорю?

Элиза. Слышу, папочка. (*Уходит.*)

Гарпагон, Клеант, Валер, Жак.

Гарпагон. А ты, сынок бесценный,- я простил тебе сегодняшней случай, так ты и подавно не вздумай встретить ее с кислой миной.

Клеант. С кислой миной? Да из-за чего?

Гарпагон. Боже ты мой! Известно, как ведут себя дети, когда их отцы вторично женятся, и как они смотрят на свою мачеху. Если ты хочешь, чтоб я забыл твою выходку, то изволь быть как можно любезнее и предупредительнее.

Клеант. Откровенно говоря, папа, я вовсе не рад тому, что она будет моей мачехой, что ж мне вас обманывать! А что касается любезности и предупредительности, то это я вам обещаю.

Гарпагон. Да уж, постарайся.

Клеант. Останетесь довольны.

Гарпагон. Ну и хорошо.

Клеант уходит.

Гарпагон, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты мне нужен, Валер. Поди-ка сюда, Жак, теперь и до тебя очередь дошла.

Жак. С кем вы желаете говорить, сударь: с кучером или с поваром? Я ведь у вас и то и другое.

Гарпагон. И с тем и с другим.

Жак. Ас кем сначала?

Гарпагон. С поваром.

Жак. Сию минуту. *(Снимает кучерской кафтан и остается в одежде повара.)*

Гарпагон. На кой черт это переодевание?

Жак. Что прикажете?

Гарпагон. Сегодня, Жак, у меня будет ужин.

Жак *(про себя)*. Что за чудеса!

Гарпагон. Можешь расстараться?

Жак. За хорошие деньги.

Гарпагон. Провались ты! Опять деньги! Только и слышишь от них: «Деньги! Деньги! Деньги!» Привязались: давай им денег. Все о деньгах! Ни шагу без денег!

Валер. Глупее этого ответа я ничего не слышал. Эко диво — приготовить хороший ужин за хорошие деньги! Это легче легкого, так-то всякий дурак справится. Нет, уж коли ты мастер своего дела, так давай говорить о хорошем ужине, но подешевле.

Жак. О хорошем ужине, но подешевле?

Валер. Да.

Жак. Сделайте милость, господин дворецкий, откройте нам секрет. Возьмите уж на себя и мои обязанности, благо вы здесь все в свои руки забрали.

Гарпагон. Перестань! Так что же тебе требуется?

Жак. Да вот, дворецкий приготовит вам хороший ужин подешевле.

Гарпагон. Я спрашиваю не его, а тебя.

Жак. На сколько персон?

Гарпагон. Будет человек шесть-восемь, но готовить надо не больше как на шесть. Где сыты шесть, там сыты и восемь.

Валер. Понятно.

Жак. Ну, стало быть, четыре перемены. Пять сортов закусок, суп, заливное...

Гарпагон. Да ты что, черт тебя побери, намерен целый город накормить?

Жак. Жаркое...

Гарпагон (*зажимает ему рот.*) Изверг! Хочешь по миру меня пустить?

Жак. Еще одно легкое блюдо...

Гарпагон. Еще что?

Валер (*Жаку*). Да что ты, в самом деле, закормить всех хочешь? Гостей-то разве наш господин на убой созвал? Почитай-ка правила здоровья да спроси врачей: что может быть вреднее обжорства?

Гарпагон. Так, так!

Валер. Заруби у себя на носу, любезный, и всей своей родне внуши, что кто подает у себя за столом много мяса, тот прямой душегуб; если хозяин любит своих гостей, он должен соблюдать умеренность. Есть даже такое древнее изречение: мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон. Отлично сказано! Подойди, я тебя поцелую. Отроду ничего умнее не слыхал: мы для того живем, чтобы есть, а не для того едим... Нет, что-то не то. Как бишь ты сказал?

Валер. Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон (*Жаку*). Вот. Слыхал? (*Валеру.*) Какой великий человек изрек это?

Валер. Забыл.

Гарпагон. Забыл!!! Напомни мне записать эти слова. Я прикажу золотыми буквами вырезать их над камином в зале.

Валер. Непременно. А насчет ужина позвольте распорядиться мне — я все устрою в лучшем виде.

Гарпагон. Устраивай.

Жак. Вот и прекрасно. Меньше забот.

Гарпагон (*Валеру*). Нужно что-нибудь такое, чего много не съешь: рагу из барашка, например, пожирнее, паштет с каштанами...

Валер. Положитесь на меня.

Гарпагон. Затем, Жак, нужно почистить карету.

Жак. Простите. Это уже относится к кучеру. *(Надевает кучерской кафтан.)* Так вы изволили сказать...

Гарпагон. Нужно почистить карету и заложить лошадей — поедешь на ярмарку.

Жак. Лошадей, сударь? Да они с места не сдвинутся. Спешу Вам заметить, что они валяются не на подстилке — подстилки у бедных животных никакой нет. А постятся они у вас так, что и на лошадей не похожи — одно название от них осталась - ЛОШАДЬ.

Гарпагон. Да им же ничего не делают вот и заболели!

Жак. Можно и ничего не делать, сударь, а есть-то все-таки надо? Да они, бедняги, на какую угодно работу пойдут, лишь бы сытыми быть. Сердце надрывается глядеть, как они тощат. Я ведь люблю лошадок, мне за них больно. Но сударь, каким жестоким человеком надо быть, чтобы не жалеть ближних своих!

Гарпагон. Довезти до ярмарки — не бог весь, какой труд.

Жак. Нет, сударь, у меня и духу на это не хватит. Понадобится стегнуть — рука не поднимется. Как вы хотите, чтобы они сволокли карету, когда они сами ног не волочат?

Валер. Сударь, я попрошу, соседа Пикара сесть за кучера, а Жак пусть остается и готовит ужин.

Жак. Ладно. Подохнут, так, по крайней мере, не из-за меня.

Валер. Уж больно ты умничаешь, Жак.

Жак. Уж очень ты подлизываешься, дворецкий!

Гарпагон. Молчать!

Жак. Я не выношу льстецов, сударь. Я же его насквозь вижу: вечно усчитывает хлеб, вино, дрова, соль, свечи, и все это для того только, чтобы к вам подмазаться и подольститься. Меня это бесит. А послушать, что о вас говорят каждый день,— право, досада возьмет. Как-никак я же вас люблю после лошадей больше всех на свете,

Гарпагон. А нельзя ли узнать, Жак, что обо мне говорят?

Жак. Можно, сударь, если б только я был уверен, что вы не рассердитесь.

Гарпагон. Нисколько не рассержусь.

Жак. Ох, рассердитесь! Непременно рассердитесь!

Гарпагон. Да нет же! Напротив, это доставит мне удовольствие, мне очень любопытно это знать.

Жак. Раз уж вы сами желаете, сударь, так я вам должен сказать по чистой совести, что над вами везде смеются, всячески на ваш счет прохаживаются, перемышляют вам все косточки — рассказов про вашу скаредность не оберешься. Одни говорят, что вы заказали особые календари, где постных дней вдвое больше, чем надо,— это для того, чтобы ваша прислуга почаще постилась; Один рассказывает, что как-то вы притянули к суду соседскую кошку за то, что она съела у вас остатки баранины; другой — что раз ночью вас накрыли, как вы у своих же лошадей овес воровали, и что кучер, который до меня был, отдул вас палкой в темноте, только вы промолчали об этом. Словом сказать, вас на все корки отделявают, куда ни сунься. Вы — посмешище всего города, на каждом перекрестке клянут вас, и нет вам иных имен, как скряга, скаред, сквалыга и скупердяй.

Гарпагон (*бьет его*). А ты дурак, негодяй, мошенник и нахал!

Жак. Ну вот, разве я был не прав? А вы мне не верили. Я же вас предупреждал, что вы рассердитесь, если я вам правду скажу.

Гарпагон. А ты сначала выучись разговаривать со мной! (*Уходит.*)

Валер, Жак.

Валер (*смеясь*). Насколько я могу судить, Жак, тебе плохо платят за твое прямодушие.

Жак. Не твое дело, выскочка! Напустил на себя важность! Смейся, когда тебя самого поколотят, а надо мной смеяться нечего.

Валер. Но сердись, многоуважаемый!

Жак. Советую вам помнить, господин зубоскал, что я зубоскалить с вами не намерен, а выведете меня из терпения, так я заставлю вас иначе зубы скалить.

Валер. Ну-ну, потише!

Жак. Да что там потише! Я не хочу потише!

Валер. Ну, пожалуйста!

Жак. Невежа, вот ты кто!

Валер. Господин Жак!..

Жак. Я тебе дам «господин Жак»! Вот как возьму палку, так всю важность из тебя выколочу.

Валер. Что? Палку? (*Наступает на Жака.*)

Жак. Да я ничего...

Валер. Советую помнить вам, господин Жак, что я еще лучше могу вас оттузить!

Жак. Не смею спорить.

Валер. Жалкий поваришка!

Жак. Конечно, конечно!

Валер. Ты еще меня узнаешь.

Жак. Прошу прощения!

Валер. Ну? Что ж ты меня не бьешь?

Жак. Да это я пошутил!

Валер. Мне твои шутки не нравятся. *(Бьет его палкой.)* Плохой ты шутник, так и знай! *(Уходит.)*

Жак (один). Вот я и поплатился за свое прямодушие! Хозяин прибьет — куда ни шло, но дворецкий... погоди, я тебе отплачу! Невыгодное это занятие — говорить правду, **зарекаюсь.**

СУПЕР

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СУПЕР

МОНЕТКА

Жак, Мариана, Фрозина.

Фрозина. Ты не знаешь, Жак, хозяин дома?

Жак. Дома, дома.

Фрозина. Так скажи ему, что мы здесь.

Жак уходит.

Мариана, Фрозина.

Мариана. Ах, Фрозина, я в смятении. Сама не знаю что со мной. Я так волнуюсь перед этой встречей!

Фрозина. Да отчего же? Что ж тут такого?

Мариана. Не спрашивай, Фрозина. Неужели ты не понимаешь как страшно человеку увидеть орудие пытки на которую его хотят обречь.

Фрозина. Я вижу ясно, что от такой пытки, как Гарпагон, умереть вам не очень-то приятно. И еще я знаю, что молодчик, о котором вы мне говорили, не выходит у вас из головы, меня не обманешь.

Мариана. Я и не собираюсь обманывать тебя, Фрозина. Он так прекрасно себя вел, когда бывал у нас, что, признаюсь, я не могла остаться к нему равнодушной.

Фрозина. Да вы знаете, кто он такой?

Мариана. Нет. Знаю только, что он мил и так хорош собой что нельзя не полюбить его. Если б я только могла выбирать, конечно, я бы выбрала его.

Фрозина. Да уж, эти молодчики умеют вкрасься в душу, разливаются соловьем, но ведь почти каждый из них гол как сокол. А вам прямой расчет выйти хоть за старого, да за богатого. Конечно, о любви тут не может быть и речи, жить с таким мужем — радость не велика. Да ведь это ненадолго. Поверьте, жить ему не много осталось, и тогда выбирайте любого: он вас за все вознаградит.

Мариана. Господь с тобой, Фрозина! Как это вообще возможно— Ждать смерти другого человека, чтобы самой стать счастливой! А когда он умрет!

Фрозина. Да вы с тем за него и выходите, чтобы как можно скорей овдоветь, об этом следует и в контракте упомянуть. Свинья он будет, если через три месяца не помрет. А вот и он.

Мариана. Ах, Фрозина, какой урод!

Те же и Гарпагон.

Гарпагон (Мариане). Не прогневайтесь, красавица, что принимаю вас в очках. Я знаю, что ваши прелести бросаются в глаза, их нельзя не увидеть, никаких увеличительных стекол для них не надо, но ведь па звезды мы смотрим в увеличительные стекла, а я утверждаю и удостоверяю, что вы — звезда, да еще какая! Самая что ни на есть

прекрасная звезда, что есть на звездном небе... Фрозина! Она молчит и как будто не рада, что видит меня.

Фрозина. Она еще не оправилась от смущения. Девушки стыдятся сразу показывать, что у них на сердце.

Гарпагон. Это верно. (*Мариане.*) Вот, милое дитя, позвольте вам представить мою дочь.

Те же и Элиза.

Мариана. Простите, сударыня, что я так поздно выбралась к вам.

Элиза. А вы меня простите, что я вас не опередила — это была моя обязанность.

Гарпагон. Видите, какая она у меня большая? Дурная трава в рост идет.

Мариана (*Фрозине, тихо*) Какой противный!

Гарпагон. Что наша красавица говорит?

Фрозина. Она в восторге от вас.

Гарпагон. Слишком много чести, очаровательница.

Мариана. Отвратительное существо!

Гарпагон. Я вам несказанно благодарен за ваше лестное мнение обо мне.

Мариана. Нет сил терпеть!

Те же, Клеант, Валер и Брендавуан.

Гарпагон. А это мой сын, пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

Марианна. Ах, Фрозина, какая встреча! Ведь это я о нем тебе говорила!

Фрозина. Вот так случай!

Гарпагон. Вы, я вижу, удивлены, что у меня такие взрослые дети, но я скоро от них обоих отделаюсь.

Клеант (*Мариане.*) По правде говоря, сударыня, я не ожидал от Вас ничего подобного. Папа привел меня в немалое изумление, когда объявил о своем намерении.

Мариана. Я могу сказать вам то же самое. Эта неожиданная встреча удивила меня не меньше, чем вас.

Клеант. Естественно папа не мог сделать лучшего выбора чем вы. Видеть вас — это большое счастье для меня, но я не стану уверять,

будто я мечтаю о том, чтобы вы были моей мачехой. Я не умею говорить любезности и скажу откровенно, что не хотел бы вас так называть. Кое-кому мои слова покажутся грубыми, но вы — я уверен, что вы поймете их как должно. Ведь вам нетрудно теперь представить, что я чувствую; зная меня, вы поймете, что радоваться мне тут нечему, и я считаю своим долгом, объявить вам, что, если бы моя воля, не бывать этому браку никогда!

Гарпогон. Отличился! Наговорил любезностей!

Мариана. Я Вам отвечу тем же: как Вы не хотите называть меня мачехой, так и я не хочу называть Вас пасынком. Пожалуйста, поверьте мне, я ни когда не решилась бы по своей воле причинить Вам какое-нибудь огорчение. Даю Вам слово, что-нибудь надо мною родительской власти — я бы никогда не огорчила Вас этим браком.

Гарпогон. Вот! На дурацкую речь и ответ такой же. Не взыщите, красавица, по молодости и по глупости он сам не знает, что говорит.

Мариана. Я нисколько не обижена, уверяю Вас. Напротив, я очень благодарна ему за откровенность, я довольна его признанием. Если бы он говорил иначе, я бы его не уважала.

Гарпогон. Вы чересчур снисходительны к нему. Со временем, однако, он поумнеет, и чувства у него изменятся.

Клеант. Нет, папа, в этом я никогда не изменюсь, - прошу Вас, сударыня, мне верить.

Гарпогон. Какое сумасбродство! Продолжает стоять на своем!

Клеант. А Вам угодно чтобы я кривил душой?

Гарпогон. Он все свое! Нельзя ли поговорить по другому?

Клеант. Хорошо. Давайте другому. Я буду говорить от имени отца. И тогда я скажу: что я в жизни не встречал никого прелестнее чем вы, что для меня нет высшего счастья, как нравиться Вам, называться вашим мужем, что это такая честь, такое блаженство, которые я не променял бы на все сокровища мира. Да, сударыня, обладать Вами: это моя мечта, предел моей гордости, я бы ни перед чем не остановился ради такой победы, я бы пожертвовал всем ...

Гарпогон. Полегче, брат, не увлекайся!

Клеант. Папа, я произносил за вас приветственную речь..

Гарпогон. У меня самого, слава Богу, язык есть, поверенных мне не надо. Подайте-ка нам кресла!

Фрозина. А не лучше ли нам на ярмарку отправиться? Пораньше бы вернулись — побеседовать время осталось бы.

Гарпогон. Заложить карету.

МОНЕТКА

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон (*Мариане*). Простите, красавица, что я позабыл угостить вас чем-нибудь перед прогулкой.

Клеант. Я уж об этом позаботился, папа: сейчас должны принести фрукты, сладости, вино — я распорядился от вашего имени.

Гарпагон (*тихо*). Валер!

Валер (*тихо*). Он с ума сошел!

Клеант. Вы полагаете, папа, что этого будет мало? В таком случае прошу у вас прощения!

Мариана. Мне никакого угощения не надо.

Клеант. Случалось ли вам, сударыня, видеть такой дивный брильянт, как вот у папы в перстне?

Мариана. Какой он яркий!

Клеант (*снимает перстень с пальца Гарпагона и протягивает его Мариане*). В рассмотрите его поближе.

Мариана. Чудный брильянт! Как он сверкает! (*Хочет вернуть перстень.*)

Клеант (*загораживает ей дорогу*). Нет-нет, сударыня, он еще ярче заблестит на вашей прелестной ручке. Папа вам его дарит.

Гарпагон. Я?

Клеант. Но ведь правда, папа, вы желаете, чтобы Мариана приняла от вас этот перстень как залог вашей любви?

Гарпагон (*Клеанту, тихо*). Что?

Клеант (*Мариане*). Да что я спрашиваю! Видите, он делает мне знаки, чтобы я уговорил вас принять его!

Мариана. Я ни за что...

Клеант. Полноте! Назад он не возьмет.

Гарпагон (*про себя*). Что мне с ним делать?

Мариана. Это было бы...

Клеант (*не дает вернуть перстень*). Нет-нет, вы его обидите.

Мариана. Пожалуйста!

Клеант. Ни в коем случае!

Гарпагон (*Клеанту, тихо*). А, чтоб тебя!

Клеант. Видите? Видите? Это его ваш отказ так огорчил.

Гарпагон (*Клеанту, тихо*). Злодей!

Клеант (*Мариане*). Он в отчаянии.

Гарпагон (*Клеанту, тихо, с угрозой*). Кровопийца!

Клеант. Папа! Я не виноват. Я уговариваю Марину принять ваш подарок, а она не хочет.

Гарпагон (*Клеанту, тихо, в ярости*). Висельник!

Клеант. Из-за вас, Марианна, папа ругает меня.

Гарпагон (*Клеанту, тихо, грозя ему*). Грабитель!

Клеант (*Мариане*). Он задолеет. Не отказывайтесь, сударыня!

Фрозина (*Мариане*). Да что вы ломаетесь! Возьмите, коли уж так просят.

Мариана. (*Гарпагону*). Чтоб вас не сердить, я оставлю перстень у себя — до той поры, когда можно будет возвратить его.

МОНЕТКА

Брендавуан. (*Гарпагону*). Какой-то человек, сударь, спрашивает вас.

Гарпагон. Скажи, что я занят; пусть в другой раз зайдет.

Брендавуан. Он говорит, что принес вам деньги.

Гарпагон (*Мариане*). Прошу меня извинить. Я сейчас вернусь.

МОНЕТКА

Жак. Сударь! Сударь! Обе лошади сдохли!

Гарпагон. Так отведи их к ветеринару.

Клеант. А пока, папа, я возьму на себя роль хозяина, провожу Марнану в сад и туда же велю подать угощение.

Гарпагон, Валер.

Гарпагон. Валер! Присмотри за тем, как он будет угощать, спаси, что только можно, и отошли обратно купцу.

Валер. Будет исполнено. (*Уходит.*)

Гарпагон (*один*). Чадушко! Разорить меня задумал?

МОНЕТКА

Клеант, Элиза, Мариана, Фрозина.

Клеант. Идемте сюда, здесь гораздо спокойнее и никто не станет нас подслушивать.

Фрозина. Что же вы мне раньше не сказали? Я бы все повернула иначе — не на горе вам, а на радость.

Клеант. На что же ты решаешься, Мариана?

Мариана. Ах, мне ли на что-нибудь решаться? В моем зависимом положении я могу только желать.

Клеант. Желать — и ничего больше? И ничем не помочь мне? Ничем не выразить ни сочувствия, не доброты, ничем не доказать свою любовь на деле?

Мариана. Что мне тебе на это сказать? Поставьте себя на мое место, и рассуди, что я могу сделать. Придумывай, приказывай — я на все согласна. Надеюсь, ты будешь, благограумен и ничего нескромного, неблагопристойного не потребуешь от меня?

Клеант. Покорно благодарю! Придумывай, приказывай да еще думай о том, чтобы не нарушить ни скромности, ни благопристойности!

Мариана. Как же мне быть? Допустим, я бы пренебрегла многим из того, к чему обязывает моя девичья честь, но ведь у меня есть мама, она так меня любит, что я ни за что не решусь ее огорчить. Ты должен приложи все усилия, заслужить ее расположение. Можешь говорить ей все, что угодно, вообще действуй, как найдешь нужным, ну а если она спросит меня, тут уж я, конечно, таиться от нее не стану.

Клеант. Фрозина, ты поможешь нам?

Фрозина. Про это и спрашивать нечего: я всей душой готова помочь. По природе-то я жалостлива, сердце у меня не каменное, я всегда рада услужить, когда вижу такую любовь — честную, благородную. Что бы такое предпринять?

Клеант. Подумай хорошенько!

Мариана. Научи нас!

Элиза. Распутай все, что сама напутала.

Фрозина. Трудновато. Матушку-то вашу, я думаю, можно будет уговорить: отец ли, сын ли — ей все равно. Да беда в том, что отец-то этот — ваш отец.

Клеант. Я знаю.

Фрозина. Я хочу сказать, что, если ему откажут, он с досады и против вашего брака упрется. Не лучше ли будет устроить так, чтобы он сам отказался? А для этого надо, чтобы вы ему перестали нравиться.

Клеант. Верно!

Фрозина. Сама знаю, что верно. Мысль хорошая, а вот как ее, черт возьми, осуществить?..

Клеант. Если только наше дело выгорит, Фрозина, я тебя отблагодарю! А пока, нужно уговорить твою маму. Напрягай все свои силы, воспользуйся своим очарованием, ласкайся, пускай в ход нежные слова — и я убежден, что она не устоит.

Мариана. Я сделаю все, что могу, ничего не забуду.

Те же и Гарпагон.

Гарпагон (*никем не замеченный, про себя*). Э, мой сын целует руку у будущей мачехи, а будущая мачеха не очень-то противится! Нет ли тут, какого подвоха?

Элиза. А вот и батюшка!

Гарпагон. Карета готова. Если угодно, можете ехать.

Клеант. Раз вы не едете, батюшка, то я их провожу.

Гарпагон. Нет, останься. Они без тебя обойдутся, а мне ты нужен.

МОНЕТКА

Элиза, Мариана и Фрозина уходят.

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Ну, так вот, если забыть о том, что она твоя будущая мачеха, как она тебе?

Клеант. Как она мне?

Гарпагон. Да, каково ее обращение, сложение, наружность, ум?

Клеант. Откровенно говоря, я представлял ее себе не такой. Обращение у нее жеманное, сложение неуклюжее, внешность посредственная, ума вообще нет. Не думай, папа, что я хочу отговорить вас: она ли, другая будет мне мачехой — мне все равно.

Гарпагон. Давеча ты говорил ей, однако...

Клеант. Да. Я сказал пару пустых любезностей от вашего имени и вам в угоду.

Гарпагон. Так что у тебя нет никакого влечения к ней?

Клеант. У меня? Ни малейшего.

Гарпагон. Досадно! А мне пришла было в голову хорошая мысль. Смотря на нее, я поразмыслил о своем возрасте и подумал: что скажут люди, если я женюсь на молоденькой? И я решил бросить эту затею, а так как я уже сделал ей предложение и связан с ней словом, то, если б она не была тебе противна, уступил бы ее тебе.

Клеант. Мне?

Гарпагон. Тебе.

Клеант. В жены?

Гарпагон. В жены.

Клеант. Послушайте... Это верно, что она мне не очень по вкусу, но, чтобы доставить вам удовольствие, папа, я могу на ней жениться.

Гарпагон. Я гораздо благоразумнее, чем ты полагаешь, приневоливать тебя я вовсе не намерен.

Клеант. Я сам себя готов приневолить — из любви к вам.

Гарпагон. Нет-нет. Где нет влечения, там нет и счастья.

Клеант. Влечение может явиться потом, батюшка. Недаром говорят: стерпится — слюбится.

Гарпагон. Нет, мужчина не должен действовать очертя голову: последствия могут быть очень прискорбные, брать на себя ответственность за них я не хочу. Если бы ты чувствовал к ней хоть какую-нибудь склонность — в добрый час: я женил бы тебя на ней вместо себя; но раз этого нет — я остаюсь при своем первоначальном намерении и женюсь на ней сам.

Клеант. Хорошо, папа. Я скажу вам всю правду, и не стану таиться перед вами. Да, я люблю ее с того самого момента, как увидел ее на прогулке. Тогда же я хотел просить вашего благословения и не сделал этого только потому, что узнал о вашем намерении и побоялся вас разозлить.

Гарпагон. Ты был у нее?

Клеант. Да, батюшка.

Гарпагон. И не один раз?

Клеант. Не один.

Гарпагон. И хорошо тебя принимали?

Клеант. Очень хорошо, но они не знали, кто я такой, оттого-то Мариана и растерялась, когда увидела меня здесь.

Гарпагон. Ты с ней объяснился и просил ее руки?

Клеант. Конечно. Я даже и матери намекнул.

Гарпагон. Как же она к этому отнеслась?

Клеант. Весьма любезно.

Гарпагон. А дочка отвечает тебе взаимностью?

Клеант. Судя по некоторым признакам, можно думать, папа, что я ей не противен.

Гарпагон (*про себя*). Прекрасно! Я только этого и добивался. (*Громко.*) Ну-с, так вот что я тебе скажу, сынок: ты должен об этой любви забыть, оставить в покое мою невесту и в ближайшее время жениться на той, кого я для тебя предназначил.

Клеант. Ловкую вы со мной сыграли штуку, папа! Так знайте же и вы, коли на то пошло, что от Марианы я не отступлюсь и вам я ее ни отдам. Вы заручились согласием матери, хорошо, я найду другие пути найду.

Гарпагон. Как, бездельник! Ты смеешь со мной соперничать?

Клеант. Это вы со мной соперничаете! Я раньше вас с ней познакомился.

Гарпагон. Я твой отец, ты обязан почитать меня.

Клеант. В таком деле что отец, что сын — все равно: любовь ничего этого знать не хочет.

Гарпагон. Ты откажешься от Марианы?

Клеант. Ни за что на свете!

Гарпагон. Ты хорошо подумал?

Клеант. Я слов на ветер не бросаю.

Гарпагон. Пеняй же на себя, негодный мальчишка!

Клеант. Как вам будет угодно.

Гарпагон. Я запрещаю тебе показываться мне на глаза!

Клеант. Дело ваше.

Гарпагон. Я выгоняю тебя из дома.

Клеант. Прекрасно.

Гарпагон. Ты мне больше не сын!

Клеант. Пусть будет так.

Гарпагон. Я лишаю тебя наследства.

Клеант. Всего, чего хотите.

Гарпагон. И проклинаяю тебя!

Клеант. Сколько милостей сразу!

Гарпагон уходит.

Клеант, Лафлеш.

Лафлеш (*выходит из сада, держа шкатулку в руках*). Ах, сударь, как хорошо, что я вас встретил! Идите скорей за мной.

Клеант. Что такое?

Лафлеш. Идите за мной, говорит вам! Нам повезло.

Клеант. В чем повезло?

Лафлеш. Вот оно, наше счастье!

Клеант. Что это такое?

Лафлеш. То, к чему я давно подбирался.

Клеант. Да что же это?

Лафлеш. Дебньги вашего батюшки — я ее подтибрил.

Клеант. Как это ты сделал?

Лафлеш. Все узнаете. Бежать надо — он уж там кричит.

Клеант и Лафлеш убегают.

Гарпагон один.

Гарпагон (*кричит еще в саду, затем вбегает*). Воры! Воры! Разбойники! Убийцы! Смилуйтесь, силы небесные! Я погиб, убит, зарезали меня, деньги мои украли! Кто бы это мог быть? Что с ним случилось? Где он? Куда спрятался? Как мне найти его? Куда бежать? Или не надо бежать? Не там ли он? Не здесь ли он? Кто это? Стой! Отдай мои деньги, мошенник!.. (*Сам себя ловит за руку.*) Ах, это я!.. Я потерял голову — не пойму, где я, кто я и что я делаю. Ох, бедные мои денежки, бедные мои денежки, друзья мои милые, отняли вас у меня! Отняли мою опору, мою утеху, мою радость! Все для меня кончено, нечего мне больше делать на этом свете! Не могу я без вас жить. В глазах потемнело, дух захватило, умираю, умер, похоронен. Кто воскресит меня? Кто отдаст мне мои милые денежки или скажет, кто их у меня взял? А? Что?.. Никого нет. Кто бы ни был этот вор, но ведь нужно же было ему выследить, выждать, и время-то как раз выбрал такое, когда я с мошенником сыном препирался... Пойду, позову

полицию — пусть весь дом допрашивают... слуг, служанок, сына, дочь, меня самого. Что это? Сколько народу! И всех-то я подозреваю, в каждом вижу вора!.. А? О чем это они говорят? Не о том ли, кто меня ограбил?.. Что это за шум там, наверху? Не вор ли там?.. Сжальтесь надо мной: если знаете что о моем воре, не таите, скажите! Может, он среди вас прячется?.. Смотрят, смеются... Так-так! Все они там были, все воровали! Скорее за комиссарами, за сержантами, за приставами, за судьями, пытаться, вешать, колесовать! Всех до одного перевешаю, а не найду денег — сам повешусь.

МОНЕТКА

Гарпагон, комиссар, писарь.

Комиссар. Предоставьте действовать мне — я свое дело, слава богу, знаю. Не первый день открываю кражи. Хотел бы я иметь столько мешочков золота, сколько я отправил народу на виселицу.

Гарпагон. Все власти должны вмешаться в это дело. Если я не отыщу моих денег, я суд засужу.

Комиссар. Необходимо произвести самое тщательное дознание и расследование. Вы говорите, что в шкатулке было...

Гарпагон. Ровно полтора миллиона евро.

Комиссар. Полтора миллиона евро?

Гарпагон. Полтора миллиона евро

Комиссар. Полтора миллиона евро мои 3 %... Кража значительная.

Гарпагон. Нет той казни, которая была бы достаточна за такое преступление, и, если оно останется безнаказанным, значит, нет у нас ничего святого.

Комиссар. В какой монете была эта сумма?

Гарпагон. В новеньких полновесных луидорах и пистолях.

Комиссар. Кого подозреваете в краже?

Гарпагон. Всех!

Комиссар. Всех?

Гарпагон. Весь город и все предместья — под стражу, не иначе!

Комиссар. Поверьте мне: никого понапрасну тревожить не следует, нужно постараться исподтишка добыть улики и тогда со всей строгостью приступить к обнаружению похищенного.

Те же и Жак.

Жак (*обращаясь за сцену*). Я сейчас вернусь, а без меня, его зарезать, опалить ножки, окунуть в кипяток и подвесить к потолку.

Гарпагон (*Жаку*). Кого? Моего вора? Кого?

Жак. Я говорю о поросенке, которого прислал мне ваш дворецкий: будет приготовлен по новому способу.

Гарпагон. Не об этом речь. Вот этому господину (*показывает на комиссара*) желательно знать кое-что другое.

Комиссар (*Жаку*). Не бойтесь: я вас не обижу, все обойдется тихо.

Жак. Вы гость, сударь?

Комиссар. Вы не должны, любезный друг, ничего скрывать от вашего господина.

Жак. Будьте спокойны, сударь, я все свое искусство покажу и так угощу вас, что останетесь довольны.

Гарпагон. Не в этом дело.

Жак. Если ужин выйдет не такой, как я хотел, так уж это вина вашего дворецкого: он меня своей бережливостью по рукам и ногам связал.

Гарпагон. Негодяй! Тут дело поважней твоего ужина. Ты мне говори про деньги, которые у меня украли.

Жак. У вас деньги украли?

Гарпагон. Да, разбойник! И тебя повесят, если ты их не отдашь.

Комиссар (*Гарпагону*). Послушайте: зачем вы так на него нападаете? Я по его лицу вижу, что он честный малый, его не надо сажать в тюрьму, он и так все расскажет. (*Жаку.*) Да, мой друг, если вы сознаетесь, вам худа не сделают, а ваш господин щедро вознаградит вас. У него сегодня украли деньги. Не может быть, чтобы вы об этом не знали.

Гарпагон. О чем ты задумался?

Комиссар (*Гарпагону*). Не троньте его. Он сейчас собирается и все расскажет.

Жак (*Гарпагону*). Коли хотите знать правду, сударь, так это ваш дворецкий.

Гарпагон. Валер?

Жак. Он самый.

Гарпагон. Валер, которому я так верил?

Жак. Он, он. По-моему, это он вас обокрал.

Гарпагон. Почему ты так думаешь?

Жак. Почему?

Гарпагон. Да, почему?

Жак. Потому что... Думаю — и все тут.

Комиссар. Нам нужны улики.

Гарпагон. Ты видел, как он бродил вокруг того места, где были спрятаны деньги?

Жак. Видел, как же... А где у вас деньги были?

Гарпагон. В саду.

Жак. Ну, так и есть! Я видел, как он по саду кружил. А в чем были деньги?

Гарпагон. В шкатулке.

Жак. Вот-вот! Я у него и шкатулку видел.

Гарпагон. Какая же она? Я сейчас узнаю, моя ли.

Жак. Какая?

Гарпагон. Да.

Жак. Такая... шкатулка как шкатулка.

Комиссар. Само собой разумеется, но вы опишите нам ее.

Жак. Большая шкатулка.

Гарпагон. А моя небольшая.

Жак. Правда, сама по себе она небольшая. Я сказал — большая, потому что в ней денег много.

Комиссар. А какого она цвета?

Жак. Какого цвета?

Комиссар. Да.

Жак. Цвета она... этого, знаете ли... Ну вот, вертится на языке...

Гарпагон. Ну.

Жак. Не красного ли?

Гарпагон. Нет, серого.

Жак. Да-да, красно-серого. Я это и сказал.

Гарпагон. Да это она. Запишите, сударь, запишите его показание! Господи! На кого теперь положиться можно? После этого я ни за кого не поручусь — не поручусь даже, что я сам себя не обворую.

Жак (*Гарпагону*). Вот он идет, сударь. Только вы не говорите ему, что это я его выдал.

Те же и Валер.

Гарпагон. Поди-ка сюда! Признавайся в самом грязном поступке, в самом ужасном злодеянии, какого еще не видывал свет!

Валер. Что вам угодно, сударь?

Гарпагон. Вот, мерзавец! И ты не краснеешь, совершив такое преступление?

Валер. О каком преступлении вы говорите?

Гарпагон. О каком преступлении я говорю? Бесстыжий! Как будто не знает, о чем речь! Напрасно будешь отпираться: дело раскрыто, мне известно все. Нечего сказать, отплатил за мою доброту,! Нарочно втерся ко мне, чтобы сыграть со мной такую штуку!

Валер. Раз уж вам все известно, сударь, я ни увертываться, ни отпираться не буду.

Жак (про себя). Ого! Стало быть, нечаянно угадал!

Валер. Я и без того намерен был сознаться вам, ждал только удобного случая. Но уж если вы сами узнали, так прошу вас не сердиться и выслушать мои оправдания.

Гарпагон. Какие еще там оправдания, гнусный воришка?

Валер. Нет, сударь, я не заслужил такого названия. Я, конечно, провинился перед вами, но мою вину, воля ваша, можно простить.

Гарпагон. То есть как — простить? Такое-то злодейство, такое-то смертоубийство простить?

Валер. Ради бога, успокойтесь! Когда вы меня выслушаете, вы увидите, что зло не так велико, как вам кажется.

Гарпагон. Зло не так велико, как мне кажется! Кровь моя, плоть моя — вот ведь это что, висельник!

Валер. Ваша кровь, сударь, нисколько здесь не пострадала, да и не могла пострадать. Дело легко поправить.

Гарпагон. Я этого и добиваюсь. Отдай то, что украл.

Валер. Ваша честь, сударь, получит полное удовлетворение.

Гарпагон. Не о чести речь. Ты мне лучше скажи, кто тебя подтолкнул на это?

Валер. Ах, сударь, и вы еще спрашиваете?

Гарпагон. Да-да, спрашиваю!

Валер. Меня подтолкнуло то чувство, которое все оправдывает: любовь.

Гарпагон. Любовь?

Валер. Да, любовь.

Гарпагон. Нечего сказать, хороша любовь, хороша любовь! Любовь к моим деньгам.

Валер. Нет, сударь, не богатство ваше меня обольстило: я заранее отказываюсь от всех ваших денег, оставьте мне только то, что уже есть у меня.

Гарпагон. Черта с два! Так я тебе и оставил, дожидайся! Оставь ему то, что он у меня украл, — наглость-то какая!

Валер. Вы называете это кражей?

Гарпагон. Еще бы не кража! Этакое-то сокровище!

Валер. Да, правда, сокровище и притом самое драгоценное из ваших сокровищ, но отдать его мне — еще не значит потерять. На коленях умоляю вас: не отнимайте у меня это прелестное сокровище! Отдайте его мне, сделайте доброе дело!

Гарпагон. Да ты что? Ошалел?

Валер. Мы дали друг другу слово, поклялись никогда не расставаться.

Гарпагон. Хорошо слово, хороша клятва!

Валер. Да, мы связаны навеки.

Гарпагон. Я сумею вас развязать, не беспокойтесь!

Валер. Одна только смерть может разлучить нас.

Гарпагон. Околдовали его мои денежки!

Валер. Я уже сказал вам, сударь, что поступил так не по расчету. У меня и в мыслях не было того, что вы подозреваете: я действовал по благородному побуждению.

Гарпагон. Слышите? Он еще скажет, что хочет завладеть моим добром из христианского милосердия. Но знай, висельник, знай, разбойник: я приму меры, закон не попустит несправедливости.

Валер. Вы вправе, поступать, как вам угодно, я все готов снести, но прошу вас верить одному: если тут и есть чья-нибудь вина, то только моя, дочь же ваша ни в чем не виновата.

Гарпагон. Я думаю! Странно было бы, если бы она тебе пособляла! Но к делу, однако: признавайся, куда ты ее спрятал?

Валер. Никуда я ее не прятал, она у вас в доме.

Гарпагон (*про себя*). Милая моя шкатулочка! (*Громко.*) Так она дома?

Валер. Да, сударь.

Гарпагон. А скажи, ты ее не тронул?

Валер. Я? Тронул? Вы нас обоих обижаете. Я пылал к ней чистой, почтительной любовью.

Гарпагон (*про себя*). Пылал к моей шкатулке!

Валер. Я предпочел бы умереть, чем оскорбить ее даже намеком, она для этого слишком благоразумна и добродетельна.

Гарпагон (*про себя*). Моя шкатулка слишком добродетельна!

Валер. Единственное наслаждение, которое я себе позволял,- это любоваться ею. Ни одно преступное желание не осквернило страсть, какую мне внушили ее прекрасные глаза.

Гарпагон (*про себя*). Прекрасные глаза моей шкатулки! Он говорит о ней, как о возлюбленной.

Валер. Клод знает всю правду, сударь, она может вам засвидетельствовать...

Гарпагон. Как! И моя служанка тут замешана!

Валер. Да, сударь, она была свидетельницей нашей клятвы, и только после того, как ей стало ясно, что у меня честные намерения,— только после этого она согласилась убедить вашу дочь дать мне слово.

Гарпагон. А? (*Про себя.*) От страха он, кажется, заговариваться начал. (*Валеру.*) С чего ты мою дочь сюда приплетаешь?

Валер. Я говорю, что мне стоило огромных усилий победить ее стыдливость силой моей любви.

Гарпагон. Чью стыдливость?

Валер. Вашей дочери. Только вчера решилась она подписать брачное обязательство.

Гарпагон. Моя дочь подписала брачное обязательство?

Валер. Да, и я тоже.

Гарпагон. Господи! Новая напасть!

Жак (*комиссару*). Пишите, сударь, пишите!

Гарпагон. Этого еще недоставало! (*Комиссару.*) Исполните ваш долг, сударь, передайте его дело в суд — он вор и соблазнитель.

Валер. Я ни то, ни другое. Когда вы узнаете, кто я...

МОНЕТКА

Те же, Элиза, Мариана и Фрозина.

Гарпагон. А, мерзкая девчонка, недостойная дочь! Нечего сказать, впрок пошли тебе мои наставления! Ты позволяешь себя увлечь проходимцу, вору, ты даешь ему слово без моего согласия! Но вы оба

промахнулись! (*Элизе.*) Будешь сидеть в четырех стенах. (*Валеру.*) А по тебе за твою наглость виселица плачет.

Валер. Ваша запальчивость — плохой судья, и не судите меня раньше времени.

Гарпагон. Я оговорился: тебя не повесят, нет, тебя колесовать будут живого.

Элиза (*на коленях*). Папа, не будьте так суровы, умоляю вас! Не злоупотребляйте родительской властью! Не поддавайтесь первому порыву гнева! Он совсем не тот, за кого вы его принимаете. Вы простите меня, когда узнаете, что если бы не он, меня давно бы уж не было на свете. Да, папа, это он спас меня, когда я тонула, ему вы обязаны тем, что не потеряли дочь — ту самую дочь...

Гарпагон. Все это меня не касается. Лучше бы он тебя тогда не спас, только бы не учинял такого злодеяния.

Элиза. Папа! Заклинаю вас родительской любовью...

Гарпагон. Нет-нет, и слышать ничего не хочу. Да совершится правосудие!

Жак (*про себя*). Это тебе за побои!

Фрозина (*про себя*). Все перепуталось!

СУПЕР

МОНЕТКА

Те же и Ансельм.

Ансельм. Что это, господин Гарпагон? Вы так взволнованы...

Гарпагон. Ах, господин Ансельм, перед вами несчастнейший человек в мире! Как раз, когда нужно подписывать с вами контракт, у меня столько неприятностей, столько тревог! Меня всего обворовали — отняли имущество, отняли честь. Вот этот злодей, этот изверг посягнул на священнейшие права, прокрался ко мне под видом слуги, украл у меня деньги и соблазнил мою дочь.

Валер. Да никто о ваших деньгах и не помышляет! Перестаньте вы чушь городить.

Гарпагон. Да, они обручились. Это уж прямо вас касается, господин Ансельм; ваша святая обязанность — подать на него в суд, преследовать его судебным порядком и выместить на нем всю нанесенную вам обиду.

Ансельм. Насильно я ни за что не женюсь. Сердца, отданного другому, мне не надо, но из уважения к вам я готов взяться за ваше дело, как за свое собственное.

Гарпагон. Вот комиссар, он — честный комиссар, он ничего не упустит, все исполнит, что по долгу службы следует. *(Комиссару, указывая на Валера.)* Сударь! Прошу составить обвинительный акт таким образом, чтобы все его злодеяния были выставлены в самом черном свете.

Валер. Какое преступление в том, что я полюбил вашу дочь? Почему я должен нести кару за то, что мы обручились? Когда вы узнаете, кто я такой...

Гарпагон. Слышал я эти сказки. Много развелось теперь воров благородного звания и всяких обманщиков, что в мутной воде рыбу ловят и прикрываются первым попавшимся именем, лишь бы оно было известно.

Валер. Смею вас уверить, я слишком честен для того, чтобы присваивать себе чужие имена. Весь Неаполь может засвидетельствовать мое происхождение.

Ансельм. Осторожнее! Сначала подумайте, а потом уже говорите. Вы можете попасть впросак: перед вами человек, которому знаком весь Неаполь. Я вас выведу на чистую воду.

Валер. Я ничего не боюсь. Если вам знаком Неаполь, то должен быть знаком и дон Томазо д'Альбурси.

Ансельм. Конечно, знаком. Никто его не знает лучше, чем я!

Гарпагон. Дон Томазо, дон Мартино — мне-то какое до них дело?

Ансельм. Пожалуйста, не перебивайте. Послушаем, что он скажет.

Валер. Я хочу сказать, что он — мой отец.

Ансельм. Дон Томазо?

Валер. Да.

Ансельм. Полноте! Придумайте что-нибудь поудачнее, а этим нас не обманете и себя не спасете.

Валер. Прошу вас быть осторожнее в выражениях. Я вас не обманываю и могу это доказать.

Ансельм. Как! Вы осмеливаетесь утверждать, что вы — сын дона Томазо д'Альбурси?

Валер. Да, осмеливаюсь и готов подтвердить это где угодно.

Ансельм. Неслыханная дерзость! Так знайте же — и да будет вам стыдно,— что шестнадцать лет назад, этот человек погиб в море с женой и детьми, когда плыл из Неаполя, спасаясь от преследований.

Валер. Да. Но знайте же и вы — и да будет вам стыдно,— что его семилетнего сына и слугу подобрал испанский корабль, и этот спасенный сын — я! Капитан корабля пожалел меня и воспитал, как родного сына. Потом я вступил в военную службу. Вскоре я узнал, что мой отец, которого я считал умершим, жив. Я отправился на поиски, и здесь небо уготовало мне встречу с прекрасной Элизой. Ее красота пленила меня. Моя страстная любовь, а также суровость ее отца вынудили меня проникнуть под чужим именем в этот дом, а на поиски родителей я отправил другого человека.

Ансельм. Но чем вы докажете, что это не сказка, а быль?

Валер. Доказательства и свидетели налицо: рубиновая печать моего отца, агатовый браслет, моей матери, и старик Пьедро — и слуга, который спасся вместе со мной.

Мариана. Ах, теперь и я могу подтвердить, что вы не обманщик! Из ваших слов следует, что вы — мой брат.

Валер. Я — ваш брат?

Мариана. Да. Сердце мое забилося при первых же твоих словах. Матушка часто рассказывала мне о наших злоключениях. Бог не попустил и нашей гибели при кораблекрушении, но мы променяли смерть на неволю: нас спасли корсары. Через десять лет, мы вырвались на свободу и вернулись в Неаполь. Оказалось, что все наше имущество продано, а об отце ни слуху, ни духу.

Ансельм. О небо! Нет предела твоему могуществу. Обнимите меня, дети, и порадайтесь вместе с вашим отцом.

Валер. Так вы — наш отец?

Ансельм. Да, дочь моя, да, сын мой, я дон Томазо д'Альбурси. Небо спасло меня от гибели в морской пучине и от разорения. Я сохранил все свои богатства.

Гарпагон. Так это ваш сын?

СУПЕР

Ансельм. Да.

Гарпагон. В таком случае потрудитесь уплатить мне полтора миллиона евро, которые он у меня украл.

Ансельм. Он? У вас украл?

Гарпагон. Да, он.

Валер. Кто это вам сказал?

Гарпагон. Жак.

Валер (*Жаку*). Ты это говорил?

Жак. Вы же видите, что я молчу.

Гарпагон. Комиссар записал его показания.

Валер. И вы думаете, что я способен на такую подлость?

Гарпагон. Способен ли, нет ли, а деньги верни!

Те же, Клеант и Лафлеш.

Клеант. Отец, успокойтесь. Я кое-что знаю о вашей пропаже, и пришел вам сказать, что если вы дадите согласие на мой брак с Марианой, то деньги будут вам возвращены.

Гарпагон. Где они?

Клеант. Не тревожьтесь: они в надежном месте, я за них отвечаю, и теперь вообще все зависит от меня. Мама Марианны уже дала свое согласие. Я предоставляю вам выбор — либо вы соглашаетесь на мой брак с Марианой, либо прощаетесь со шкатулкой навсегда.

Гарпагон. Ты ничего из нее не взял?

Клеант. Я из нее ничего не брал. Итак, папа, выбор за вами.

Мариана (*Клеанту*). Вы еще не знаете, что теперь этого согласия уже недостаточно: небо возвратило мне не только брата, но и отца. Что он скажет?

Ансельм. Неужто я вернулся к вам, дети мои, для того, чтобы противиться вашим желаниям? Господин Гарпагон, соглашайтесь на обе свадьбы.

Гарпагон. Пока я не увижу моей шкатулки, я ничего не скажу.

Клеант. Она цела и невредима.

Гарпагон. На приданое денег у меня нет.

Ансельм. У меня найдутся.

Гарпагон. Вы принимаете на себя все расходы по обеим свадьбам?

Ансельм. Да, принимаю. Вы удовлетворены?

Гарпагон. Да, но вы должны сшить мне к этим свадьбам новое платье.

Ансельм. Идет. А теперь можно и повеселиться.

Комиссар. А кто мне заплатит за составление акта?

Гарпагон. На что нам ваш акт?

Комиссар. Выходит, я даром трудился?

Гарпагон (*указывая на Жака*). Вот вам вместо платы: можете его повесить.

Жак. Как же после этого жить на свете? Скажешь правду — бьют палкой, солжешь — хотят повесить.

Ансельм. Уж вы его простите, господин Гарпагон!

Гарпагон. А комиссару заплатите?

Ансельм. Так и быть. Ну, детки, поспешим обрадовать вашу матушку.

Гарпагон. А я поспешу к моей милой шкатулочке!